

Воспоминанія стараго педагога.

XVII ¹⁾.

Историческій взглядъ на ходъ развитія законодательства по учебной части: уставъ народныхъ училищъ 1786 г., уставъ гимназій 1804 г., уставъ 1823 г., мѣры къ ограниченію поступленія въ университетъ. -- Бифуркація гимназій и неуспѣшность этой мѣры. -- Педагогическое движеніе шестидесятихъ годовъ. — Уставъ гимназій 1864 г.—Реакція.— Реформа графа Толстого; ея достоинства и недостатки.

Но обратимся къ самой сущности реформы графа Д. А. Толстого и къ ея примѣненію на практикѣ. Сущность реформъ этихъ и отношеніе къ нимъ печати и общества можно выяснитъ себѣ, только обратившись къ исторіи средняго образованія въ Россіи.

Колыбелью или, лучше, зародышемъ нашихъ свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеній послужили народныя училища, учрежденныя въ концѣ прошлаго столѣтія по уставу Императрицы Екатерины II 1786 г. Созданныя подъ вліяніемъ филантропическихъ идей, господствовавшихъ въ то время, народныя училища были чужды мертвой схоластики. Въ основаніе всей системы обученія въ нихъ положены были принципы великаго славянскаго педагога Яна Коменскаго: наглядность преподаванія и близость науки къ жизни. Всѣ предметы ученія пользовались равноправностію; ибо всѣ предметы, по словамъ устава, суть равно важныя и нужныя части одной цѣпи (Уст. народн. училищъ 5 августа 1786 г.). Еще яснѣе мысль о единствѣ и преподава-

¹⁾ См. „Русская Старина“, мартъ 1913 г.

нія и равноправности предметовъ обученія выражена въ уставѣ гимназій 5 ноября 1804 г., въ которомъ требуется, чтобы учителя вели дѣло единодушно и дружно, и помогали другъ другу дѣломъ и совѣтомъ. Преподавая свой предметъ, они, по словамъ устава, отнюдь не должны унижать другихъ предметовъ. Тотъ же принципъ и почти тѣми же словами повторяется и въ уставѣ 8 декабря 1823 г.; хотя этотъ послѣдній и допустилъ весьма невѣрный въ педагогическомъ отношеніи принципъ раздѣленія предметовъ ученія на главные и неглавные. Главными однако признаны предметы, которые дѣйствительно должны имѣть первенствующее значеніе въ системѣ общаго образованія, а именно: законъ Божій, русскій языкъ, древніе языки, ариѣметика, геометрія и русская исторія.

Таковыя чисто педагогическіе принципы положены были въ основаніе первыхъ уставовъ гимназій. Долго школьное устройство, покоясь на этихъ основахъ, было чуждо всякой политики, преслѣдовало главнымъ образомъ задачи чисто педагогическія. Только въ 1848 г. подъ вліяніемъ смутъ, происходившихъ въ Западной Европѣ, русское правительство начало относиться къ народному образованію нѣсколько подозрительно. Боясь ученаго пролетаріата, доставившаго главные элементы революціоннаго броженія тогдашняго времени, на западѣ, оно принимаетъ мѣры къ ограниченію поступленія въ университетъ. Для этой цѣли придумана была бифуркація тогдашняго времени, или раздѣленіе высшихъ классовъ гимназій на два отдѣленія: классическое съ преподаваніемъ древнихъ языковъ и юридическое для изученія законовъ, съ цѣлью приготовленія молодыхъ людей для поступленія прямо изъ гимназій въ государственную службу. Но мѣра эта не достигла своей цѣли, потому что трудно было дѣтей, едва достигшихъ четырнадцатилѣтняго возраста, дѣлить по спеціальностямъ. И родители, и дѣти предпочитали избирать болѣе широкую университетскую дорогу. Отдѣленіе юридическое оставалось почти пустымъ. Такъ, пріѣхавъ на службу въ Черниговскую гимназію въ 1850 г., я засталъ всего 12 чловѣкъ юристовъ, 8 члов. въ 5-мъ и 4 въ 6-мъ классѣ. Къ концу пятидесятихъ годовъ кафедра юриспруденціи, какъ я уже замѣтилъ, сама собою закрылась, такъ какъ въ Черниговской гимназій не оказалось желающихъ отказаться отъ поступленія въ университетъ. Та же исторія повторилась и во всѣхъ прочихъ гимназіяхъ Кіевского учебнаго округа. Въ это время начинается знаменитое педагогическое движеніе, поднятое и въ литературѣ и въ школѣ Н. И. Пироговымъ. Заговорили со-

вѣты, заскрипѣли перья. Много было увлеченія во всемъ этомъ движеніи; но тѣмъ не менѣе заслуги доктора-педагога несомнѣнны.

Несомнѣнно, что онъ пробудилъ нашу педагогію отъ долговременной спячки и тѣмъ не мало способствовалъ разработкѣ многихъ педагогическихъ вопросовъ, къ выясненію основныхъ задачъ воспитанія.

Прежде всего допущенное уставомъ 1828 года дѣленіе предметовъ на главные и второстепенные, равно какъ и дѣленіе высшихъ классовъ по спеціальностямъ, признаны неосновательными, такъ какъ всякая спеціализація въ системѣ общаго образованія, по общему мнѣнію тогдашнихъ педагоговъ, могла только мѣшать гармоническому развитію всѣхъ способностей учащагося. Твердо установленъ принципъ, что всѣ предметы, входящіе въ кругъ общаго образованія, должны быть изучаемы равно добросовѣстно, равно основательно. Другая заслуга Пирогова—отмѣна тѣлесныхъ наказаній, служившихъ только къ озлобленію молодежи. Вмѣстѣ съ тѣмъ поднято значеніе педагогическихъ совѣтовъ, которые должны были выработать новый строй, новые школьные порядки. Старая школа, опиравшаяся на системѣ устрашенія, должна была отойти въ вѣчность, а на мѣсто ея должна была народиться школа, основанная на любви къ дѣтямъ, на гуманныхъ началахъ. „Не дѣти для школы, а школа для дѣтей“, твердили тогда, совершенно справедливо, педагоги. Родилась мысль объ индивидуализаціи воспитанія дѣтей или о необходимости ближайшаго ознакомленія съ особенностями и нуждами учащагося. Подведеніе дѣтей подъ одинъ общій взглядъ, подъ одну мѣру признавалось абсурдомъ и осуждалось, какъ и вообще формальное отношеніе къ дѣтямъ.

Само правительство, повидимому, сознавало недостатки старой школы, недостатки устава 1828 г. и приступило къ разработкѣ новаго устава на широкихъ основаніяхъ. Во всѣ учебныя заведенія были разосланы проекты новаго устава гимназій. Педагогическіе совѣты горячо взялись за изученіе и критику этихъ проектовъ и не мало потрудились надъ этимъ дѣломъ. Мнѣнія совѣтовъ и разныхъ лицъ сведены и составили цѣлые томы; но министерство народнаго просвѣщенія, тогда состоявшее подъ управленіемъ Головнина, издавая уставъ 1864 г., ограничило только общими положеніями въ либеральномъ духѣ. Каракозовскій выстрѣлъ однако далъ внутренней политикѣ совершенно иное направленіе. Началась реакція и въ законодательствѣ, и въ школѣ. Опять начали думать на тему ограниченія ученаго пролетаріата, ограниченія и возможнаго затрудненія

доступа въ университетъ, хотя и не хотѣли открыто признать этого, а прикрывались соображеніями о необходимости поднятія солидности образованія и возведенія его на ту высокую степень, на которой находилось оно на западѣ Европы. Московскіе публицисты упорно стали проводить мысль, что существовавшая въ то время уваровская система образованія въ гимназіяхъ, подправленная новѣйшимъ реальнымъ направлениемъ, представляетъ будто бы какую-то опасность для государства и что для спасенія отечества необходимо все гимназическое ученіе основать на изученіи древнихъ языковъ. Естественныя науки и вообще реальное направленіе, по мнѣнію тогдашняго московскаго оракула Каткова, порождаютъ только нигилизмъ и всякіе другіе измы, которые слѣдуетъ искоренять, какъ искореняютъ негодную траву на нивѣ. Съ такимъ мнѣніемъ однако не согласна была вся тогдашняя литература петербургская, которая, къ сожалѣнію, успѣла уже сильно проштрафиться по части либерализма и вообще не пользовалась особымъ довѣріемъ правительства. Петербургскіе литераторы встрѣтили московскія теоріи съ немалымъ озлоблениемъ и не даромъ, такъ какъ московскіе публицисты не чужды были способности переводить обсужденіе даже самыхъ общихъ вопросовъ на личную почву, любили закидать камешки въ огородъ петербургской печати, усиливая все болѣе и болѣе противъ себя озлобленіе и ненависть либеральной публики, бывшей болѣе на сторонѣ Петербурга, чѣмъ устарѣлой Москвы. Возгорѣлась газетная война. Вся періодическая печать раздѣлилась на два враждебные лагеря: реалистовъ и классиковъ. Первые стояли за изученіе естественныхъ наукъ и вообще за реальное направленіе въ системѣ общаго образованія; вторые въ изученіи природы и въ реальномъ направленіи средняго образованія видѣли источникъ всѣхъ отечественныхъ золъ какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ. Въ самый разгаръ этой бумажной войны, втянувшей школу въ политику, на постъ министра народнаго просвѣщенія вступаетъ человекъ желѣзной воли, энергическій и настойчивый, однимъ словомъ, графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой. Онъ рѣшительно и безповоротно усвоиваетъ взглядъ московскихъ публицистовъ, становится на сторонѣ классицизма, сразу выступаетъ во всеоружіи власти и съ вполне опредѣленною программой. Несмотря ни на что, онъ прямо объявляетъ, что существовавшая до него система образованія недостаточна и что все ученіе должно быть сконцентрировано на главномъ образовательномъ ученіи, однимъ словомъ, на изученіи древнихъ

языковъ, которые должны быть центромъ ученія. Для контенанса упомянута и математика, какъ наука важная для формальнаго развитія учащихся. Всѣ прочія науки признаны дѣломъ второстепеннымъ, полезнымъ настолько, насколько это необходимо для изученія древнихъ языковъ. За примѣрами нечего было ходить далеко; нужно бы только взять число уроковъ по древнимъ языкамъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ, и новая система образованія была готова. Такъ по уставу графа Толстого на древніе языки взята почти половина учебнаго времени; на прочіе, такъ называемые второстепенные предметы, дано по часу и по два въ недѣлю, какъ бы съ намѣреніемъ отнять отъ учителей возможность основательнаго преподаванія ихъ предметовъ. Даже на Законъ Божій въ высшихъ классахъ, гдѣ въ особенности требовалось противодѣйствіе живого изученія религіи разнымъ нигилистическимъ и антирелигіознымъ теченіямъ въ средѣ молодежи, былъ назначенъ всего одинъ часъ, или лучше сорокъ пять минутъ въ недѣлю, такъ какъ фактически по новому распредѣленію учебнаго времени на пять уроковъ въ недѣлю съ 9 — 2^{1/2} час. съ промежутками по 1/4 часа между уроками и 1/2 часа на большую перемѣну не было возможности выбирать больше времени на одинъ урокъ. Не менѣе странно было униженіе русскаго языка, русской исторіи, русской географіи, по которымъ по таблицамъ, изданнымъ министерствомъ, можно было, незная предмета, т.-е. получивъ изъ четырехъ годовичныхъ отмѣтокъ три неудовлетворительныя отмѣтки, обыкновенно означавшія незнаніе предмета, перейти въ высшій классъ. По второстепеннымъ предметамъ даже не полагалась до четвертаго класса никакихъ экзаменовъ. Только въ 4-мъ классѣ при значительномъ курсѣ этого класса полагался экзаменъ по второстепеннымъ предметамъ, не давая впрочемъ времени на повтореніе этихъ предметовъ. Такая система образованія была странна въ особенности въ юго-западной и сѣверо-западной Россіи, гдѣ только-что было подавлено польское возстаніе и гдѣ еврейскій вопросъ назрѣвалъ и все болѣе и болѣе вызывалъ на размышленіе. Правда, понадобилось еще прибавить восьмой классъ, но отъ этого мало выиграли второстепенные предметы, по которымъ даже не назначалось окончательнаго экзамена.

Вообще говоря, реформа графа Толстого основательно была разработана, какъ академическое, кабинетное произведеніе и не страдала недостатками: неточностью, или какими бы то ни было компромиссами. Въ этомъ ее достоинство и вмѣстѣ недостатокъ. Она не обращаетъ вниманія на жизнь школы и на весь

выработавшійся строй ея, а рубить съ плеча, несмотря ни на какія возраженія. Разъ принято, что классицизмъ долженъ спасти Россію и отъ нигилизма, и отъ тлетворнаго духа революціи, во что бы то ни стало онъ долженъ господствовать и все должно предъ нимъ преклониться. Такъ учить Катковъ, такъ думаетъ графъ Толстой, такъ написано въ уставѣ, и никто не долженъ смѣть не только возражать, но даже думать иначе. Первыя попытки къ возраженіямъ на крайности были безъ дальнѣйшихъ разсужденій признаны преступленіемъ, чуть не государственной измѣной и повлекли за собою карательныя мѣры. Это еще болѣе возбудило озлобленіе и въ литературѣ, и въ обществѣ, и главное среди молодежи, которая на своихъ плечахъ должна была нести всѣ тяготы тяжелой реформы. Мало-по-малу форсированныя мѣры школьный вопросъ превратили въ вопросъ политическій, что и сдѣлалось корнемъ всѣхъ дальнѣйшихъ золъ.

Не могу при этомъ не указать еще на два существенные промаха въ реформѣ графа Толстого, которые имѣли громадное вліяніе на весь строй учебныхъ заведеній и на достиженіе тѣхъ благихъ результатовъ, которыхъ отъ нея ожидали. Первая и можно сказать капитальная ошибка состояла въ уничтоженіи опредѣленныхъ окладовъ жалованья учителей и установленіе вознагражденія по числу уроковъ, которое должно назначаться ежегодно по личному усмотрѣнію директора и Совѣта, съ утвержденія попечителя. Мѣра эта неизбежно должна была породить неравенство между учителями и вмѣстѣ окончиться неизбежною погоней за уроками. Въ особенности рѣзко недостатки новой мѣры выразились при распредѣленіи преподаванія древнихъ языковъ, по которымъ многіе учителя непрочь были взять и болѣе тридцати уроковъ, если бы только позволяла возможность размѣстить ихъ въ недѣльномъ расписаніи часовъ занятій. Этимъ объясняется появленіе въ средѣ учителей-генераловъ, получавшихъ въ годъ болѣе двухъ тысячъ рублей, и скромныхъ работниковъ, сидѣвшихъ чуть не на пищѣ св. Антонія. Другая невыгодная сторона многоурочія—уменьшеніе основательности и удовлетворительности самыхъ уроковъ. Имѣя отъ 4-хъ до 5-ти уроковъ ежедневно, учитель положительно не имѣлъ возможности подготовиться какъ слѣдуетъ къ урокамъ. Притомъ основательное изученіе древнихъ языковъ обусловливается письменными работами, которыя каждый учитель долженъ задавать еженедѣльно. Но такія работы могли принести пользу въ томъ лишь случаѣ, когда онѣ были бы исправляемы

и оцѣниваемы какъ можно тщательно и добросовѣстно; иначе онѣ являлись почти бесполезной для учащихся затратой времени. Въ этомъ я убѣждался нерѣдко, да и не могло быть иначе, когда учителю древнихъ языковъ приходилось имѣть дѣло съ пятью - шестью классами и съ какими - либо тремя стами учащихся.

Другая, не менѣе важная ошибка реформы графа Толстого—расписаніе часовъ занятій учащихся въ гимназіи. Для того, чтобы ближе подойти по числу уроковъ по древнимъ языкамъ къ заграничнымъ гимназіямъ, онъ назначилъ въ день пять уроковъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы собственно на занятія, за исключеніемъ времени на перемѣны, приходилось не менѣе 50 мин. На практикѣ малыя перемѣны съ десяти минутъ фактически увеличивались до 15-ти минутъ при самомъ строгомъ наблюденіи, когда власть входила въ сборную учительскую и всячески заявляла свое нетерпѣніе. При отсутствіи начальства малая перемѣна захватывала и до 20-ти минутъ. Такимъ образомъ на урокъ по большей части многолюдныхъ классовъ оставалось всего 40 минутъ. Въ такой короткій промежутокъ нечего было и думать основательно разработать урокъ, а главное удостовѣриться, насколько ученики основательно усвоили прежній урокъ. Этимъ объясняется спѣшность учителей и вообще формальное отношеніе ихъ къ своему дѣлу, что не могло не отразиться на успѣшности и на основательности гимназическаго ученія.

Е. Н. Андріашева.

(Продолженіе слѣдуетъ).

